

Похмелье

Автор:

Юлия Резник

Похмелье

Юлия Резник

Когда вся жизнь – как праздник, и ты пьёшь её жадными глотками, нужно быть готовым к тому, что, рано или поздно, на смену пиру придёт похмелье.

Содержит нецензурную брань!

Юлия Резник

Похмелье

Глава 1

Храп. Ее разбудил громкий, залиvistый храп! Этот звук был настолько непривычным в ее маленькой квартирке, что Юлька даже вскочила. Спросонок не сообразила, что происходит, и кто вообще может издавать подобные непотребные звуки в ее однокомнатных пенатах. Сразу как-то подумалось, что это сосед-пьянчуга перепутал квартиры, и теперь спал на коврике у нее в прихожей. По крайней мере, звук лился откуда-то оттуда. Кстати сказать, сосед был дядькой вполне безобидным. Приветливым даже. Но это только тогда, когда состояние позволяло ему разговаривать в принципе. А однажды тот и вовсе настолько протрезвел, что на полном серьезе решил к ней подкатить. Да еще как! Новоявленный пикапер принялся цитировать ей кого-то из классиков.

Юлька не знала, кого именно. Но только классики, наверное, могли написать такие душевные строки... Вот умора была! Она не знала, плакать ей, или смеяться, когда подвыпивший Казанова вошел в раж. В общем, вариант с соседом был не так уж и плох... Плохо было то, что она опять забыла закрыть дверь на замок! Иначе как бы еще к ней попал тот, кто теперь не давал спать?

Девушка села на кровати, прижала одеяло к груди. Храп на мгновение оборвался, а потом так же неожиданно возобновился, ознаменовав продолжение сольной партии оглушающе-громким всхрапом. Нет, пожалуй, это не человек... Ну, не может ведь хомо сапиенс издавать настолько животные звуки? Иначе что получается, миллионы лет эволюции насмарку? Обидно, ну... И страшно! Хотя Юлька была не из пугливых.

Девушка собрала думы в кучу, в попытке наладить мыслительный процесс. Без доброй порции кофеина сделать это было довольно-таки трудно. Юлька была чистокровной совой, и проснуться – взгляд метнулся к часам на запястье – в семь утра воскресенья, без доброй порции настоящего колумбийского кофе, девушка попросту не могла. Но для того, чтобы решить вопрос с кофе, она должна была выйти из собственной спальни. А там храпели... И не факт, что сосед. По крайней мере, она бы не стала на это спорить... Замкнутый круг получается! Без кофе не работает голова, а без оной как сообразить, что там за биологический вид выводит носом рулады? И точно ли носом? Она как-то засомневалась, что настолько безобидный орган в принципе может издавать подобные звуки.

А потом как-то резко вспомнилось... Черт! Да ведь она сама привела к себе в гнездышко этого... храпуна! Точно... Пожалела вчера одного... Не бомжа, и не пьяницу, хотя нажрался он вчера под завязку, чему она и стала свидетелем. Вполне нормального мужчину. На вполне нормальном черном Порше... Который он, к слову сказать, заблевал по дороге. Бедная девочка!

Разобравшись в том, что дрыхнувший на диване в кухне персонаж не представлял для нее опасности, Юлька, наконец, встала с кровати. Кофе хотелось нещадно. Так, что даже голова начинала болеть. Девушка смело открыла дверь, и едва не задохнулась! Мамочки, боже мой! Вот это перегарище! Хоть топор вешай... Или что там вешают? Она всегда забывала. Уткнувшись носом в сорочку на плече, стремительно преодолела комнату. Кислороду ей, кислороду! Иначе сама захмелеет от одного только «аромата». Что ж он пил?! А с виду – приличный мужик! С шумом отодвинула тюль, рывком откинула ручку поворотного механизма и настезь распахнула окно. Свежий воздух ворвался в комнату и

принес с собой непередаваемый аромат дождя и первых опавших листьев. На дворе красавица-осень. Вместе со всеми осенними ароматами в кухню проникла бодрящая прохлада. По полу потянуло. Девушка потянулась, провела рукой по стриженной голове и нехотя побрела к крохотной гардеробной, которую умудрилась втиснуть в свою квартирку. Где-то тут были махровые носки. Мама недавно привезла ей в подарок. Ей все время казалось, что дочка мерзнет на своей СТО. До женщины вот совсем не доходило, что нынче ее гараж хорошо отапливался, да и вообще являл собой вполне комфортабельное рабочее место. Носки были белыми и пушистыми, прямо, как кот, которого Юля всегда хотела завести, но пока не решилась. Уход за животным требовал большой ответственности, и девушка не была уверена, что справится с ней. Основательно утеплившись – окно закрывать Юлька в ближайшее время не собиралась, девушка вернулась в кухню. Кухню-гостиную, как ее величали риелторы при продаже квартиры. Впрочем, так, по большому счету, и было. Небольшая кухонная стенка в одном стиле с вытянутой тумбой, которая располагалась вдоль противоположной от дивана стены, и над которой висел большой телевизор. Небольшой столик у окна и два стула. Ей вполне хватало. Да и не могла она позволить себе квартиру большей площади. И без того ипотека сжирала большую часть доходов. С другой стороны, не каждый в ее возрасте мог похвастаться собственным жильем. Пусть даже таким компактным. Но тут у Юльки не было выбора. С мамой жить было, конечно, хорошо, но... В какой-то момент девушка почувствовала себя лишней. Лишней потому, что у неприступной, как крепость, Нины Васильевны, наконец, появилась личная жизнь! Впервые после убийства отца, которое случилось давным-давно. Юлька как раз заканчивала пятый класс.

Девушка засыпала в джезву кофе, и поставила ту на огонь. Вещица была памятная, Юля купила ее в Марокко в позапрошлом году у древнего, как мир, марокканца. Его лицо испещрили ломаные линии глубоких морщин, кожа задубела под палящим южным солнцем, и на ее фоне необычно светлые глаза мужчины казались совершенно неземными. Инопланетными. Они как будто гипнотизировали. Юлька застыла на несколько мгновений под этим пристальным взором, и пришла в себя, только когда ее окликнул гид. Она моргнула, бросила еще один взгляд на старца, которой продолжал что-то ей говорить, растерянно посмотрела на экскурсовода.

– Он обещает вам большую любовь, – ухмыльнулся паренек, и тут же, без каких-либо переходов, добавил. – Пойдемте-пойдемте, время экскурсии уже подходит к концу.

А она не хотела идти! Хотела еще послушать, что там ей обещают... Возможно поэтому Юлька оглядывалась на древнего мужчину всю дорогу к автобусу, пока он полностью не скрылся из виду. Жаль. Интересно было узнать, что там ее ждет. Тем более, если это была любовь, которой она еще не встречала по жизни.

Кофе поднялся и угрожающе зашипел. Блин! Чуть не просмотрела. Юля быстро сняла джезvu с огня, выждала пару секунд, пока жидкость немного осела, и только тогда налила себе полную чашку. Храпящий на диване мужик на ее активность внимания не обращал. Сон незадачливой выпивохи был на зависть крепким. Девушка пожала плечами, заглянула в холодильник, в котором сиротливо стояла баночка йогурта. И больше не было ничего! Видела бы эту картину Нина Васильевна... Отогнав от себя призрак разгневанной маменьки, Юлька все же достала йогурт и уставилась на мелко-мелко исписанную этикетку. Что она там хотела обнаружить, спрашивается? Вообще-то, срок годности, но... Но! Когда у тебя дислексия, даже это, казалось бы, элементарное для кого-то действие становилось невыполнимой задачей. Просто, когда ты совершенно не умеешь читать, очень трудно обнаружить на баночке с йогуртом наполовину стертые цифры. В который раз за утро Юлька пожала плечами и открыла крышку. Что ему в холодильнике будет? – справедливо рассудила она, стараясь не задумываться о том, сколько случаев отравления начинались именно с этой сакральной фразы.

Мужик на диване хрюкнул и перевернулся на другой бок. Храп стих. Спасибо тебе, Боженька, что уши пожалел. Юлька сделала глоток кофе и снова подошла к окну. Небо хмурилось. И золотые на солнце листья нынче выглядели далеко не так празднично в отсутствие света. Погода совсем не радовала...

Юля растерянно осмотрелась. У нее был законный выходной, который девушка не желала проводить в обществе незнакомого мужчины. И пофигу, что он, наконец, заткнулся. Исходящий от него перегар от этого никуда не делся. И даже открытое окно не спасало. Только вытесняло из квартиры остатки тепла. Юлька сердито прикрыла окно и возмущенно уставилась на горе-квартиранта, проклиная про себя собственную мягкосердечность. Да, она его пожалела! И не волновало тогда, что это не модно, и что так никто уже не поступает в больших городах. Ее до дрожи в руках возмутило, что люди просто шли мимо упившегося вусмерть человека, и не обращали никакого внимания на его попытки усестыся за руль! Равнодушные... Преступное, фатальное, необратимое! Когда мы стали такими? Озабоченными собственной жизнью настолько, что перестали замечать окружающую действительность? Людей, нуждающихся в помощи, или, на худой

конец, в добром слове, события, требующие нашего вмешательства... Иногда Юльке казалось, что бурно развивающиеся процессы глобализации по-настоящему глобально изменили разве что человеческие представления о добре и зле. И вместе с этим люди утратили частичку своей души. Ту, которая как раз отвечала за милосердие и сопричастность.

Мужчина завозился и, наконец, открыл мутные со сна глаза. А может, и не со сна, а от выпитого. Кто знает?

- Ты кто? - Хриплый, как будто сорванный голос. Зашибись! Вопрос на миллион.

- Меня зовут Юля. Вы вчера перепили немного, и... вот. - Ну, да, она в курсе. Объяснение так себе...

- Мы что, тра*ались, что ли? Я резинками хоть озаботился?

Юлька вспыхнула! А так ей и надо... Нашла себе приключения на нижние девяносто. Ну, ладно... Ладно! Девяносто пять! Она была девушкой с формами! Пока Юлька пыталась прийти в себя после наглого вопроса мужчины, тот закричал и попытался привстать.

- Твою бабушку! Что ж так хреново-то?!

- Пить меньше надо, - неприятливо буркнула Юлька, а потом не удержалась и добавила язвительно: - Кстати, по этой же причине, мы вряд ли смогли бы потрахаться, даже если бы я с какого-то перепугу позарилась на ваше брэнное тело.

Мужик хмуро на неё зыркнул и со стоном упал на подушку. Так тебе, голубчик! А ты чем думал, когда столько в себя вливал?!

Олег снова застонал. Голова болела нещадно, и страшно мутило. Он не припоминал, чтоб когда-нибудь до этого ему было настолько хе*ово. Наверное, потому, что до вчерашнего дня никогда столько не пил. И толку, что алкоголь был хорошим? Когда его выпито столько, качество пошла отходит на второй план. Хреново будет - без вариантов. Черт, нужно выбираться из этого бабского царства. Почему бабского, Олег и сам не понял. Окружающую обстановку он

вообще видел плохо. Точнее, даже не пытался ничего рассмотреть. Лежал с закрытыми глазами, страдая светобоязнью. Такое с ним тоже случилось впервые. До этого он, конечно, выпивал, но чтобы так... Вспоминать, и то было противно. Его мутило буквально от всего. И даже хорошо, в общем-то, пахнущее постельное белье – раздражало невероятно. Как он здесь вообще очутился? Вспоминай, Олежа, вспоминай... Что это за краля рядом? А ведь говорит, что не было у них ничего. Намекая, по всей видимости, на состояние его не стояния... Обидеться, что ли? Кхм... Тогда тем более непонятно, зачем она притащила его к себе.

Олег снова попытался сесть. И у него это даже почти получилось:

– Где моя тачка?

– Под окном. Я привезла тебя на ней.

– Ты села за руль моей машины?! – Он закричал, и от этого в висках застучали молоты. Тише, Олежка, тише... Не ори!

– А что, мне нужно было пустить за руль тебя? – парировала острая на язык девчонка. Олег зло фыркнул и снова откинулся на подушки. Молоты в голове застучали еще сильнее.

– Ты, что же, не в состоянии встать? – уточнила дамочка. Хотя, какая она дамочка? Девчонка совсем. С милovidными, по-детски округлыми чертами лица, скрыть которые могли бы волосы, да только по какому-то недоразумению девчонка сделала короткую стрижку. Как ее, бишь... Оля, Уля?

– Ну, чего молчишь? Ты домой-то сможешь добраться? – Олег молчал. Армагеддон, происходящий в его голове, никак не способствовал диалогу или любой другой мозговой активности. Это было одновременно так плохо, и так хорошо! Сосредоточиться на боли физической, и забыть о боли душевной. Не вспоминать, не думать, не винить... Себя.

Юлька в отчаянии топнула ногой. Толстый носок заглушил звук удара, но даже он резанул по нервам.

- Тише, - прохрипел Олег. - Голова болит.

Девушка запрокинула голову к потолку и глубоко вздохнула. Она уже поняла, что накрылся ее выходной медным тазиком. Не удивительно, с ее-то везением. Выругалась про себя, опустила взгляд на мужчину, который лежал с закрытыми глазами и практически не подавал признаков жизни. Лучше уж так, чем, когда храпел! - подумала Юлька, и тут же себя одернула. Нельзя так! Нельзя... Иначе сама не заметит, как очерствеет и станет, как все, кого только сегодня упрекала в безучастности и малодушии. А она не хотела становиться такой, несмотря на то, что, возможно, так бы было и проще. Отвернулась к окну, в попытке сообразить, что делать дальше. Обрадовалась, пришедшей в голову идее! Метнулась к ванной, не заметив, как мужчина проводил ее взглядом. Открыла шкафчик с медикаментами. Она точно помнила, как выглядела упаковка с убийным обезболивающим, которое покупала, когда практически насквозь пробила инструментом руку на работе. Да, она точно помнила, что это именно оно. Вопрос только в дозировке. Юлька, вот хоть убей, не помнила дозировки. Ничего... Сам разберется, если захочет избавиться от боли. Девушка схватила упаковку, убедилась, что инструкция по применению никуда не делась, набрала воду в стакан, и вернулась в комнату. Нет... Ну, как же все-таки воняло! Поморщившись, Юлька подошла ближе. Протянула начинающему алкоголику упаковку с препаратом, сопроводив свое действие сухим объяснением:

- Это обезболивающее. Посмотри в инструкции дозировку, которую можно принять. Воду я уже принесла. - стакан с водой приблизился прямо к носу мужчины.

- А ты сама не могла посмотреть? - пробурчал Олег, зрение которого никак не хотело фокусироваться на мелком шрифте.

- Не могла, - серьезно ответила юная прелестница и немного отступила в сторону. Олегу показалось, что он ее чем-то задел. А может, и нет... Башка совсем не соображала. Мужчина выдавил на ладонь пару таблеток, запихнул их в рот и жадно запил водой. Сушняк был просто адский.

- И как мы познакомились? В баре? - поинтересовался Олег после довольно длительного молчания. Юлька уже было решила, что он опять уснул.

– Нет. В баре мы не познакомились. Я увидела тебя на стоянке, когда ты, абсолютно невменяемый, пытался завести мотор.

– То есть, ты даже не знаешь, как меня зовут? – удивился Олег.

– Почему же? Я заглянула в твои права.

– И ты вот так, запросто, привезла незнакомого мужика в свой дом? – Нет, он категорически не нравился Юльке. Все его вопросы, которые имели непонятную ей подоплеку, и сам тон беседы не вызывали в ней никаких положительных чувств.

– Ну, почему же сразу незнакомого? – сузила девчонка глаза. – Мы уже встречались. Ты как раз имел разговор с моей маменькой. Ниной Васильевной Грановской.

Последние слова девушки имели эффект разорвавшейся бомбы. Олег вскочил, растерянно провел руками по лицу, и уже более внимательно посмотрел на хозяйку квартиры. Точно! Он видел ее раньше... В день, когда окончательно лишился рассудка и совести. В день, когда безвозвратно потерял самое лучшее, что было в его никчемной жизни.

Глава 2

– Ты стояла в коридоре. И подслушивала. В суде, так? Я тебя помню.

– Ну, начнем с того, что никто тебя не подслушивал. Я стала невольным свидетелем твоего эээ... как бы это получше сказать? Монолог... Улавливаешь разницу? И, конечно же, после такого я тоже не сумела тебя забыть.

– Выходит, я тебя впечатлил? – прохрипел Олег, наконец заставив себя спустить ноги с дивана. Он не мог больше находиться здесь. С нею... Ему было стыдно, хотя мужчина никогда бы в этом и не признался. Но, все же, было. За себя. И за то, что сделал, поддавшись какому-то безумному порыву...

– Впечатлил – не то слово. Не каждый день увидишь разгневанного мужа, готового на все, чтобы только удержать неверную жену.

– Она не неверная.

– А по-моему, ты говорил совсем обратное. Ну-ка, ну-ка... Я припомню, сейчас, как было дело! – Девушка состроила задумчивую мину и даже постучала пальцем по губам. А потом, будто бы ее осенило, щелкнула пальцами. – Ты абсолютно точно утверждал, что прокурор...

– Слушай, ты не могла бы просто помолчать? У меня болит голова.

Вранье! Он банально не хотел вспоминать о том дне! Хотел забыть те события, как страшный сон. Заставить себя поверить, что это просто приснилось... Ну, ведь он правда не мог так поступить! Это не он был... Не он! Но память была беспощадна. Головная боль отступала, а вместе с этим в мозгу воскресали ненавистные события того дня. Суд над человеком, убившим его сына. Но мысли Олега далеки от происходящего. Он нацелен совсем на другое. Мужчина хочет вернуть свою Веру. Свою жену. А ради этого даже готов поставить под сомнение результаты следствия, и оставить убийцу сына безнаказанным... Черт, в тот момент он был готов вообще на все! Вера оставалась его незыблемой константой. Тем единственным, что еще напоминало Олегу о прошлой, счастливой жизни. Жизни, когда все было хорошо, когда Димка был жив, а дома его ждала счастливая влюбленная женщина. Именно поэтому он подкараулил в коридоре судью, именно поэтому рассказал ей о связи Веры и прокурора, намекнув на предвзятость последнего. Он еще даже не договорил, когда понял, какую совершил ошибку. По брезгливо опущенным кончикам губ женщины, по ее укоризненному, осуждающему его поступок взгляду. По чувству гадливости, наполнившему собственную душу. Олег отшатнулся, отвел от судьи глаза и тут же встретился взглядом с незнакомой девушкой, которая внимательно следила за ходом разговора. И надо же такому случиться, что в полуторамиллионном городе он снова встретил ее! Свидетельницу своего позора...

– Могу и помолчать, – покладисто согласилась девица. – И кофе могу тебе на дорожку сварить.

Почему-то от мысли о кофе Олегу стало еще хуже. Он нервно качнул головой:

- Не нужно. Я бы лучше чаю выпил. Мате. Если есть.

- Есть! Мне на Али-Экспресс прямо из Китая парни заказали.

Эта информация для Олега была абсолютно лишней. Он проигнорировал ее, тяжело оседая на стул. И только на задворках сознания мелькнула мысль о том, почему она сама себе не заказала чай. Мысль исчезла так же быстро, как и родилась, и Олег снова переключился на свои проблемы.

- Вот... осторожно. Не обожгись.

Олег кивнул, немного сдвигаясь в сторону. В животе заурчало, хотя аппетита не было совершенно. Его дико мутило. Размешивая в чашке сахар, мужчина думал о том, как же необратимо изменилась его жизнь. В одно мгновение он был низвергнут с небес на землю. Секунда, а после два года ада. С которым он так и не смог смириться, и привыкания к которому не произошло. Каждый прожитый день, будто новый виток агонии. И так уже сотни дней к ряду.

- У меня совсем нет еды. Только овсянка, будешь?

- Ты на диете, что ли? - Спросил просто так, чтобы не думать о важном. А она напряглась. Наступил на больную мозоль?

- С чего бы? Меня моя фигура устраивает. Так как, овсянку будешь?

Олег покачал головой из стороны в сторону. Пригубил чай. Осмотрелся. Небольшая комната, странный, как для девушки, интерьер. Хай-тек, или хай так... Непонятно. Кирпичные стены, покрытые белой краской, такая же белая компактная кухонная стенка и молочный диван, который наталкивал на мысль об отсутствии потомства у хозяйки квартиры. Потому что, когда они с Веркой делали последний ремонт, то единственное, на чем они оба сошлись без споров - было отсутствие марких цветов в интерьере. Ребенок и белый диван - понятия несовместимые. Это понимает каждый родитель.

- Тебе плохо? - Раздалось прямо над ухом, а теплая женская ладошка участливо легла на плечо.

- С чего ты взяла? – буркнул Олег, отстраняясь.

- Ты почернел. Мне так показалось... А может, это щетина... Не знаю, – принялась неловко оправдываться Юлька.

- Нормально все, – отмахнулся от девушки и сглотнул. Ему бы уйти. Нет сил даже смотреть на нее. Но ноги не держали. А тошнота только усиливалась. Наверное, не стоило пить этот чертов чай.

- Тебе все-таки нехорошо, – тяжело вздохнула девушка. – Не корчи из себя героя, иди... приляг.

- Жалеть меня вздумала?

- Нет. Хотела проявить участие.

- Добренькая, значит? – Он молот чепуху. И подначивал ее, лишь бы сказать хоть что-то, а не молчать. Молчание давило на виски. Удивительно даже, как остро, даже в таком состоянии, все же ощущалась неловкость. И стыд. Да, черт возьми, ему было стыдно.

- Стараюсь. В этом, знаешь ли, нет ничего плохого.

Угу. Кто ж спорит. Верка тоже такая была. Всем помочь, всех спасти... Хорошая она, да только больше не его. Забыть бы, вырвать с корнем. Сам виноват, ушел, бросил, оставил наедине с болью. И теперь расплачивается за собственную глупость. А все напоминает о ней. Даже эта совсем не похожая на бывшую жену девчонка.

- Ты меня осуждаешь? Скажи! – Спросил зачем-то и, видимо, даже ее поверг в шок. По крайней мере, Юлька плюхнулась на стул рядом с ошарашенным видом. А главное, ведь сам не понял, для чего задал этот глупый вопрос! По х*ену ему было мнение этой малолетки. По х*е-ну! Именно так, по слогам. Вот Верка ему не была безразлична, да только поздно теперь. Не его забота, как ему дали понять.

- Что?! Я... Нет, нет... Что ты. Я не осуждаю, наверное... И права не имею, – запинаясь, ответила девушка. Практически правду ответила, если уж на то

пошло. Нет, он, конечно, поступил некрасиво. Возможно, кто-то сказал бы – грязно, но... Он ведь любил, наверное. Женщину, которая от него ушла... Люди всегда вытворяют всякие безумства во имя любви. Это их, вроде бы, извиняет... Или нет?

– Угу, ладно... Пойду я. – Олег подхватился резко, и тут же упал назад. К горлу подкатило. – Где туалет? – прохрипел он.

– Сразу за углом!

Мужчина вскочил и, прикрывая рукой рот, рванул к выходу. Здравствуй, Ихтиандр! В тридцать шесть, мать его, лет, он, как прыщавый школьник, обнимался с унитазом. И ведь не мешал ничего. Так, чистый вискарь. Очищенный. Американский. Прошедший уникальный процесс фильтрации древесным углем американского клена... Хреново-то как! Будь оно все проклято!

– Послушай... Олег, кажется? – Ну, надо же, оказывается, не только у него проблема с именами.

– Угу... – пробубнил мужчина, плеснув в лицо пригоршню холодной воды.

– Может, тебе душ принять стоит? И зубы почистить. Мне кто-то из мужиков говорил, что если зубы почистить, то лучше становится.

Олег кивнул. В душ и ему хотелось смертельно. Наверное, даже больше, чем просто уйти. Кивнул, соглашаясь.

– Я сейчас. Полотенце чистое принесу.

Ишь ты, какие церемонии. Полотенце чистое! Хорошая она все же девка. Хоть и бойкая на язык. Вера была не такой. И есть, да только не у него... У другого. Он вчера как раз отмечал первый месяц холостяцкой жизни. Тяжело это – праздновать, когда любишь. Еще тяжелее понимать, что сам виноват. Это ведь не она ему изменила, если уж говорить начистоту. Он... Он ушел, не справившись с гибелью сына. Оставил ее расхлебывать ситуацию, дезертировав с поля битвы. А она справилась! Его сильная Верка... И... не его.

– Вот, полотенце. Дверь на всякий случай не закрывай, – замялась хозяйка квартиры. – Вдруг тебе плохо станет...

Олег кивнул, забрался в душевую кабинку, включил прохладную воду. Хорошо. Вода смывала похмелье и прочищала мозги. Боль возвращалась. Мужчина устало прислонился лбом к холодному кафелю. Закусил костяшки пальцев, чтоб не завить с тоски.

– Олег, с тобой все в порядке? – перекрикивая воду, обеспокоенно поинтересовалась Юля. Черт! Сколько времени он вот так простоял? Непонятно... В последнее время он все чаще выпадал из реальности. И только на работе ему удавалось хоть как-то концентрироваться. Он практически жил в офисе, не желая возвращаться в пустую квартиру. Вот недаром Вера хотела ее продать... Нужно было прислушаться к умному человеку, а не делать все на свой нос. От их дома, за который он так цеплялся, уже ничего не осталось. Ведь дом – это вовсе не стены. Дом – это то, что его наполняет.

– Все нормально. Я уже выхожу, – крикнул в ответ, и действительно закрутил краны. Это была не лучшая идея – занять единственную в квартире ванную, к тому же, совмещенную с туалетом, так надолго. Вдруг хозяйке по нужде приспичило? А он тут страдает. Выходи, Олег, выходи... Или Юлька и правда о нем беспокоится? Он уже и забыл – как это, когда кому-то не все равно, что с тобой. Забыл... А ведь когда беспокоились, то все воспринималось, как должное. А часто даже не замечалось.

Олег выбрался из душевой кабинки, обтерся принесенным девушкой полотенцем. Свою одежду надевать не хотелось – она воняла сигаретным дымом и чем-то таким, что невольно наталкивало мужчину на мысли о том, что блевал он не только утром.

– Юля! Йу-у-уль!

– Что? – Запыхавшийся голос за дверью. И чем она там занималась, интересно?

– У тебя нет какой-нибудь мужской одежды случайно? Чистой...

За дверью воцарилось молчание, которое затянулось настолько, что Олег уже, было, решил натягивать свое... Вонючее.

– Сейчас принесу, – вздохнула Юлька, и куда-то пошлепала. Квартира была совсем небольшой, поэтому девушка практически тут же вернулась. Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щелку ему просунули стопку белья. Так-так... Обычные растянутые трикотажные шорты на резинке, которые, скорее всего, были бабскими, и черная футболка с принтом всем известного виски округа Мур. Его-то он ипил... Вчера. Буль проклята эта бадяга! Футболку Олег натянул сразу, с шортами помедлил, но потом, все же, рассудил, что вряд ли его мужественность пострадает, если он их ненадолго наденет. В своей жизни он делал гораздо более немужественные вещи. Например, бросал женщину в беде, а потом подлостью и враньем пытался ее вернуть... Что ему какие-то бабские шорты?!

Голова снова закружилась, и вернулась тошнота. Покачиваясь, Олег вышел из ванной. Клубы пара вырвались наружу и проникли в небольшой коридорчик. Он действительно очень долго стоял под душем.

– Иди, приляг. Я перестелила тебе постельное.

И, видимо, не только это. Юлька еще и проветрила. И теперь Олега мелко-мелко потряхивало – похмельный озноб вернулся.

– Возьми одеяло, – снова вздохнула девушка, и даже помогла ему укрыться. Смешно. Он так сына прикрывал, когда тот был маленьким. Потом-то Димка отметал всякие нежности... Олег плотно сжал веки, чтобы невольные слезы не опозорили его еще больше, но Юлька расценила это иначе:

– Сейчас прикрою шторы. Будет не так ярко...

Олег молча кивнул, аккуратно переместился на бок. Солнце, и правда, вышло из-за туч, пока он принимал душ. Тут же шаркнули по карнизу шторы, и комната погрузилась в полумрак.

– Я выйду ненадолго в магазин, – донеслось до Олега сквозь дрему. Он кивнул, не потрудившись убедиться, что его реакцию заметили. Как Юлька уходила, мужчина уже не слышал, провалившись в сон, как в забытье.

Проснулся уже ближе к вечеру. В гораздо лучшем самочувствии, чем когда засыпал. Только вонь во рту и немного гудящая голова напоминали о событиях минувшей ночи. Юльки в комнате не было. Он встал, потянулся. Захотелось в туалет. На змеевике в ванной сушились его выстиранные вещи – синие джинсы и голубая рубашка в мелкую-мелкую клетку. Боксеры. Кхм... В пятницу в офисе у них был jeansday, и он, как и большинство его сотрудников, костюмом не озаботился. Хорошо. Джинсы с рубашкой привести в порядок гораздо проще. Да и выкинуть не жалко, в случае чего. Коснулся рукой одежды – сухо. Только на карманах штаны еще немного влажные – не смертельно. Прополоскал рот, переоделся. Вернулся в комнату, в которой переминалась с ноги на ногу хозяйка квартиры:

– Ты проснулся...

– Угу. Уже готов с вещами на выход...

– Хорошо, – с едва скрываемым облегчением вздохнула Юлька. – Только бульона выпей. Тебе нужно. Мне мужики сказали. И вот... – Кивок в сторону кастрюльки, – я сварила. Куриный. – Добавила неловко, просовывая руки в задние карманы джинсовых шорт. От этого движения, небольшая грудь девушки выпятилась вперед. Она проследила за взглядом Олега, и тут же вынув руки из нычки, обхватила себя за предплечья – закрываясь от его взгляда. – Так ты будешь суп?

Олег пожал плечами и направился к столу у окна. Жрать, и правда, хотелось. А куда-то ехать поужинать – нет. Так почему бы не воспользоваться любезным предложением хозяйки? Юлька метнулась к шкафчику, извлекла из него тарелку, налила в нее пару половников, добавила рубленой зелени и подсушенных сухариков. Вкусно...

– С моей тачкой точно все хорошо? – активно работая челюстями, поинтересовался Олег.

– Даже лучше, чем могло бы быть, учитывая то, как ты ее заблевал.

Олег оторвал взгляд от тарелки. Уставился прямо на девушку. Вот и объяснения вонищи...

– Сильно?

– Угу. В автомойке ребятам пришлось повозиться. Ты, кстати, торчишь мне деньжат.

– Так она уже чистая? – тупил Олег.

– Да, когда я тебя выгрузила – отогнала машину в мойку. Говорю же, ребятам пришлось повозиться.

– Я мою свою машину только в одном месте.

– Ну, извините! – вспылила Юлька. – Ты был не в том состоянии, чтобы мне об этом поведать. Смею заверить, что та автомойка ничем не хуже твоей. За работу парней ручаюсь.

– Ладно-ладно... Не кипятись, – примирительно поднял руки кверху Олег. Юлька насупленно зыркнула и отвернулась к раковине. Дальнейший разговор не клеился, и между ними снова воцарилась неловкость. Олег доел, поставил тарелку в раковину и пошлепал к выходу. Натянул ботинки. В дверном проеме показалась девушка. Он пристально на нее посмотрел, отвел взгляд, но все же вынудил себя поблагодарить свою вчерашнюю добрую фею. Неизвестно, чем бы закончилась его пьянка, если бы не она:

– Спасибо тебе, Юля, и прощай. Я не такая уж неблагодарная свинья, как ты могла бы подумать.

Юлька не стала заверять его в обратном. Кивнула неловко головой и попрощалась. Олег вышел за дверь и, не оборачиваясь, пошел вниз по ступенькам.

Глава 3

После ухода незваного гостя, который, как известно, хуже татарина, Юлька еще долго не могла прийти в себя. Как и в тот раз, после их первой с Олегом встречи, когда девушка случайно оказалась в здании суда. Просто вечно занятая мать

попросила отогнать ее машину на СТО. Юльке помочь единственному родному человеку было несложно. Вот она и слонялась по коридору, в ожидании окончания судебного заседания, в котором мама была занята. Процесс затянулся, чему Юлька не особо-то и удивилась. Так случилось частенько. Мама была очень педантичной в своей профессии. Понятия истины и справедливости для нее не были пустым звуком, как для большинства коллег. Нину Васильевну Грановскую знали, как честного, принципиального и неподкупного профессионала. Именно поэтому ее не особо любили. И не сказать, что это хоть как-то ее задевало. Вдоволь найдя, Юлька подперла стену, и от нечего делать стала разглядывать потолок. Она действительно не пряталась, и не подслушивала тот разговор. Ну, разве девушка была виновата в том, что ее не заметили за раскидистым кустом китайской розы, который стоял в коридоре, наверное, для красоты? Так вот, еще тогда Олег произвел на Юльку неизгладимое впечатление. Хорошее, или плохое – девушка так и не поняла, хотя не одну ночь потом размышляла над поведением мужчины. На первый взгляд, например, могло показаться, что Олег – настоящий злодей. А как иначе, если он от ревности готов был сорвать суд над убийцей собственного сына? И причинить тем самым боль той, кто этого суда добивалась потом и кровью. Суд над Григорьевым был событием резонансным, и несмотря на то, что Юлька никогда не интересовалась делами матери, об этой конкретной ситуации девушка была прекрасно наслышана. Поэтому как-то сразу сообразила, что к чему. И даже поначалу разозлилась на Савельева, посчитав его подлым и даже жестоким. Но потом почему-то подумалось, что это как же нужно любить, чтобы вот так отчаянно хотеть вернуть женщину?! Ведь он же наверняка и сына любил. И тоже хотел справедливого наказания для человека, сбившего его насмерть. Так чего ему стоило этим наказанием пожертвовать? Впрочем, со временем, Юлька начала склоняться к мысли, что это вовсе не любовь была всему виной. А банальная жаба. Типичная мужская позиция – ни себе, ни людям. А значит, все-таки жили в Олеге всякие нелицеприятные качества. На этом Юлька остановилась в своих размышлениях, и больше о мужчине не вспоминала. До того дня, когда повстречалась с ним на стоянке. И вот теперь снова он занимает все ее мысли.

В глубине квартиры раздался щелчок стиральной машины – достирала. Не забыть бы развесить белье, до того, как уйдет на работу. Тут же зазвонил телефон. Простые, домашние звуки, которые сопровождали каждое ее утро.

– Доброе утро, мама.

– Привет. Я звоню предупредить тебя, что сегодня на улице будет холодно. Обещают ноль, стремящийся к минусу, и порывистый ветер. Одевайся потеплее!

– Хорошо. Спасибо, что предупредила.

– Не за что, Курочка. Ты позавтракала?

Юлька вздохнула. Отчиталась о съеденном бутерброде, и подошла к окну. Поджав ногу, уселась на подоконник. Ей нравилось, сидя в тепле собственной уютной квартирki, наблюдать за бушующей за окном стихией, за людьми, спешащими по своим делам. Юлька вообще была созерцателем. А погода и правда не радовала. Серое, будто фольгой затянутое небо, мелкий-мелкий морозящий дождь, и пробирающая до костей сырость. Выходить из дома категорически не хотелось, но работу никто не отменял. Да и нравилась она Юльке, чего скрывать? Нравилось копаться в машинах... С этими девочками у нее не было никаких проблем. Она умела с ними ладить так, как никто другой не умел. Даже парни, работающие с Юлькой бок о бок. Разве что дядя Леша. Тот вообще ее многому научил, когда девушка только пришла в профессию. Другие ее желания работать автослесарем не понимали, и советовали выбрать более подходящую для молодой девушки работу. Пойти на курсы парикмахеров, или что-то типа того. И только дядя Леша, ничему не удивляясь, целую неделю пристально за Юлькой наблюдал. А потом без всяких просьб взялся ее обучать – проверку Юля прошла. С тех пор она и трудилась в должности автослесаря. Последние два года – на себя. Дядя Леша помог ей выкупить небольшую автомастерскую, так что нынче они были полноправными партнерами вместе с еще одним талантливым парнем – Антоном. Тоха специализировался на электрике, и был специалистом от Бога. Отличная у них подобралась команда.

– Юлька, ты меня слушаешь вообще?

– Конечно, мамочка, – заверила Юлька, которая на самом деле пропустила половину рассказа матери мимо ушей. Только обмануть мать было не так уж и просто. Она насторожилась мгновенно:

– У тебя что-то произошло? Ты расстроена?

– Кто, я? – совершенно искренне удивилась Юлька. – Да нет, вроде. На работу по такой погоде не очень хочется шлепать.

- А я тебе предлагала купить машину!

- Да, ну, мам! Я сама куплю. Чуть подкоплю еще, и возьму автокредит.

- Ох, и самостоятельная ты дама, Юлька. Никакого сладу с тобой.

- Так это ведь хорошо! - улыбнулась девушка.

На том конце провода послышался шорох, а потом раздался громогласный голос дяди Леша:

- Нина Васильевна, кушать подано, идите жрать, пожалуйста.

Улыбка Юльки растянулась до ушей. Все-таки роман матери с дядей Лешей был поистине неожиданным. Менее похожих людей себе было трудно представить. Интеллигентная, застегнутая на все пуговицы мама, и улыбчивый работяга дядя Леша...

- Иду, сейчас, только с Юлей закончу... - Голос матери звучал приглушенно, будто бы она пыталась прикрыть трубку. Порой Юльке казалось, что мать даже стесняется своих отношений с дядей Лешей. И дело тут было вовсе не в кандидатуре жениха. А в том, что она в принципе не была готова к любым отношениям. Слишком долго была одна, храня верность покойному мужу.

- Я все слышу, ма... - не смогла удержаться от небольшого хулиганства Юлька. - Чем там тебя дядя Леша потчевать изволит?

- Яичницей. С помидорами.

- Ням-ням.

- Она на сале, и жутко калорийная.

- Тебе линий вес уж точно не грозит! - рассмеялась Юлька, и ничуть не покривила душой. Если сама она фигурой пошла в отца, и была довольно сбитой, то мать даже с возрастом не прибавила в массе. По словам дяди Леша, вес у нее

был бараньим. Юлька не знала, сколько весят бараны, и не бралась бы судить, имеет ли под собой почву такое сравнение, но то, что мама весила меньше дочки на добрых семь килограмм, знала наверняка.

- Нина Васильевна, ваше сиятельство, вас еще долго ждать?

- Ваша честь, вообще-то! - Снова не в трубку, но Юлька все прекрасно слышит и так.

- Ваша честь, звучит как-то... С намеком. Не находишь?! - ухмыльнулся мужчина.

- Лешка! - шикнула мать на жениха. Тут уж Юлька не выдержала и, засмеявшись в голос, оповестила мать о своей готовности завершить беседу.

Пребывая в весьма благодушном настроении после разговора с мамой, Юлька развесила постиранное белье и, быстро одевшись, пошла на станцию. А там уже вовсю кипела работа, суетились мужчины, позвякивал инструмент, и пахло машинным маслом. У Юльки этот запах не вызывал никаких отрицательных эмоций. Она его даже не замечала. Наверное, это было нетипично для существа женского пола, но уж такой она уродилась. Юлька вообще во многом отличалась от других представительниц дамского сословия, возможно, именно поэтому у нее никогда не было подруг. Проблемы большинства женщин для Юли были непонятными и даже странными. Да и вообще она была невысокого мнения о большинстве из них. В противовес этому у Юльки были замечательные отношения с мужчинами. Она очень быстро находила с ними общий язык и темы для разговоров, поэтому и чувствовала себя в своем мужском царстве, как рыба в воде.

Рабочий день выдался очень напряженным. Три гламурных кисы за каких-то восемь часов стали перебором даже для терпеливой Юльки. Парни-то сразу от них открестились, и даже дядя Леша сбежал, невнятно бормоча что-то в кусок ветоши, которой без особого успеха пытался оттереть масло с лица. Юлька хмурилась, но оборону держала! Гламурные кисы были едва ли не самыми худшими клиентами. У них разнились масти, марки машин и степень загара. Единственное, в чем они были похожи - так это в своем подозрительно-брезгливом взгляде. Ну и объяснения на вопрос «что случилось?» - как-то тоже не отличались разнообразием. Как правило, автомобиль у них страдал довольно распространенной неисправностью: «у меня там что-то стучит, трещит,

грохочет...» – нужно подчеркнуть. Где – «там» – понятно тоже не было. Гламурное кисо не слышало о таких понятиях, как стойки, или опора. А всякие дополнительные наводящие вопросы, как правило, нагоняли на них тоску. Юлька сатанела от таких мадам. А тут целых три, и все в один день!

– Когда вы свечи меняли в последний раз?

– Эээ... Не знаю.

– А топливный фильтр?

– Эээ...

– Когда регулировались клапаны, вы, наверное, тоже не в курсе?

– Эээ... – Юлька, в принципе, уже поняла, что толку не будет, но все же с надеждой спросила:

– Сколько раз вы меняли масло?

– Машинное?

Нет, мля! Олейну... Юлька тяжело вздохнула, и под уже далеко не таким презрительным взглядом горе-водителя полезла проверять уровень масла. Как она и думала, под капотом – страх господень, масла – на кончике щупа, подтекающие шланги, ну и, Юлька была уверена, много чего еще. Как можно было довести в общем-то не старую Шкоду до такого состояния, оставалось загадкой.

– Мне нужно хорошенько здесь все осмотреть. Вы можете пока подождать в комнате отдыха.

– А вы точно понимаете вот в этом всем? – вдруг озарило кисо.

– Конечно, – пожала плечами Юлька. Блондинка смерила своего механика недоверчивым взглядом, и на всякий случай достала телефон. Юля, которая уже отошла к машине, этого маневра и не заметила бы, если бы не ухмыляющийся

Антон:

– Смотри-смотри, сча папику начнет звонить... А ведь мы ей еще даже стоимость ремонта не озвучили. Слабонервная дамочка оказалась.

– Да, ну тебя! – отмахнулась Юлька и приступила к осмотру. О-хо-хо! Девушка, милая, ну кто же так с машиной обращается? Шарниры клацают, резинки потрескались, колодки скребут железом по железу, и даже провода искрят! Здесь точно без Тохи не обойтись... А Тоха – парень нервный, на гломурную кисо его нервов точно не хватит. Значит, Юльке одной отдуваться, а тут еще с минуты на минуту подтянется подмога в лице папика. И все – тушите свет. Это, конечно, если мужик не окажется вменяемым. Ведь и такое случалось. У глупых барышень зачастую бывали вполне себе неглупые папики. Стоило рассказать, показать, что его блондинко сделало с машиной – и все, мужик понятливо качает головой, кисо наказана, и надувает накачанные какой-то хренью губки в сторонке. Хоть бы и в этот раз подфартило!

Мужик кисо оказался не то, чтобы подарком, но и не совсем безнадежным. У них на станции таких называли «знаток». Мина у него не менее презрительная, чем у блондинки, взгляд решителен и всезнающ. Такому обычно жалко денег на фирменный дилерский сервис, и поэтому он, вроде как, снисходит до абсолютно не понтовитого СТО. Знаток, как исходит из самого определения, знает все! И, что бы ему ни говорили, считает, что его непременно пытаются развести на лишние траты. Знаток обожает присутствовать при ремонте, сыпать никому не нужными рекомендациями, то и дело заглядывая в яму. Для таких товарищей у них на станции висел специальный плакат: «Ремонт в присутствии клиента + пятьдесят процентов от прайса, ремонт с советами клиента +100 % от прайса». Плакат был хорошим, но, как и любой оберег, не всегда помогал.

С кисой и ее папиком Юльке удалось расстаться нескоро. Машину дамочке пришлось оставить, и Юлю этот факт прилично огорчал. На прощание мужик пообещал самостоятельно привезти новые амортизаторы, посчитав их ценник слишком завышенным. Юлька только вздохнула. Знатоки – они такие. Всегда знают, где есть запчасти подешевле, разбираются в том, какие детали лучше, а какие *овно (цитата), и демонстрируют удивительную стойкость своих взглядов. Например, переубедить такого в том, что привезенная запчасть – это запчасть от совершенно другой модели, задача трудновыполнимая и крайне нервирующая. В общем, Юлька была уверена, что и в этот раз ей привезут совершенно не то, что нужно.

- Ну, че? Замучили тебя? – заглянул в подсобку жизнерадостный Антон.
- Угу... Тош, закажи мне все-таки на завтра эти чертовы амортизаторы, а то ведь фигню привезет, и к бабке не ходи...
- Вот как привезет, так и закажу.
- Ага, а мне потом еще один день их терпи?! Нет уж. Закажи. Пусть будет.
- А что ты будешь с ними делать, если папик все-таки угадает?
- А что, такое когда-нибудь бывало? – рассмеялась Юлька, провожая напарника взглядом. Тот развалился на диванчике и уставился в свой телефон.
- Что-то не припоминаю, – отвлекся на ответ. – Нужно у дяди Леши спросить, может, он когда-нибудь и встречался с таким чудом.
- Что-то он рано сегодня убежал.
- А его мать твоя в театр тащит. Бедный мужик даже на маникюр записался, ручки свои отмыть. Во мужики ржали, ты бы слышала! – закатился Тошка. Юлька тоже улыбнулась.
- Могу представить.
- Радуюсь, что Нина Васильевна с тебя на дядю Лешу переключилась?
- Если бы так. В пятницу мы собираемся на балет. Че ржешь, придурок? – беззлобно поинтересовалась Юлька, швырнув в приятеля смятой бумажкой. – Тебе, между прочим, еще предстоит прочитать мне либретто.
- О, нет! – простонал Антон. – Только не это, Юлька. Даже не проси. Я за тебя лучше отработаю, хочешь?!
- Не-а! – строго сдвинула бровь девушка. – Будешь читать. Так я смогу иметь хотя бы отдаленное представление о том, что вообще происходит на сцене.

– Seriously? Мне кажется, что даже после прочтения либретто там сложно хоть что-то понять. Лично для меня в этой всей лабуде понятно только оно – мужики нацепили колготки. И никакой сюжет не способен отвлечь меня от раздумий на тему, зачем это им в принципе понадобилось. Хоть убей, я могу думать только об этом.

Юлька рассмеялась, кинула в рюкзак свои вещи, натянула куртку.

– Не хочешь забуриться в бар?

– Неее, эти барышни меня уработали. Я домой, зализывать раны. И, Тош, ты все-таки закажи эти чертовы амортизаторы. Если бы я могла, сама бы заказала. – Юлька как-то неловко пожала плечами и отвернулась. Вот, вроде бы, и смирилась уже со своим диагнозом, и научилась жить, но все равно комплексы порой вырывались наружу. Память была забавной штукой. Она забывала счастливые моменты, хотя и цеплялась за них изо всех сил. Но прекрасно помнила все свои унижения родом из детства, несмотря на все попытки забыть. В голове звенели слова первой учительницы о том, какая Юлька непроходимая тупица, и что ее непременно нужно отправить в класс для умственно отсталых. Маленькая Юля не до конца понимала, что это за класс такой, но попасть в него она панически боялась. Да и «тупицей» быть не хотелось. С нее вечно смеялись...

– Эй, ну, ты чего? Да закажу я тебе эти чертовы амортизаторы!

– Спасибо, Тош.

– Дел то. Пойдем, подвезу!

Глава 4

Как Юлька и думала, папик привез совершенно не то, что нужно. Потом он долго краснел, пыхтел и сыпал нравоучениями. Юлька, сцепив зубы, все это выслушивала, и по пятому кругу объясняла, в чем он не прав. Через полчаса она уже готова была головой биться о стены, а больше всего на свете хотелось его

послать. Это Юлька умела делать красиво. Не зря работает в мужском коллективе. Здесь крепким словом было никого не удивить.

– Юлька, ну, ты чего скисла совсем, а? Ну хочешь, мы этому гаду пару куриных белков через шприц в обивку загоним? Пусть повоняет, че... Он же воняет нам тут уже второй день – и ничего.

– Да ну, Тош, скажешь тоже. Это ведь и не его машина. А блондинко то чего страдать должна? Из-за того, что у нее мужик гнилой?

– Из-за тупости своей непроглядной!

– Слушай... Давай не будем об умственных способностях рассуждать, а? Даже если она тупая, как пробка, это ведь не ее вина, понимаешь? Это природа...

– Ладно-ладно, я понял, – стушевался парень. – Я же ничего такого, Юль... Это ж не про тебя, и все такое...

Юлька бодро улыбнулась:

– Я знаю, Тош. Иди, может, ты с ним пожестче поговоришь? Достал он меня, как горькая редька.

В общем, Антон ей и помог. Каким-то магическим образом избавился от мужика, и остаток рабочего дня прошел в тишине и спокойствии.

– Ну, что, какие планы на вечер? – поинтересовался Антон.

– Никаких. У меня завтра годовщина смерти папы. Ты ведь помнишь, что меня завтра не будет?

Антон растерялся, и Юлька поняла, что ничего-то он и не помнил. А еще ему неловко, как всегда бывает, когда человек не знает, что сказать. Все эти банальные слова поддержки не каждому даются. Вот и у Тошки язык будто к небу прирос.

– Забыл, – честно признался он. – А хочешь, я тебя отвезу на кладбище? Или вы с мамой поедете?

– Нет. Мама рано с утра заскочит, перед работой. А я попозже подтянусь. Мне еще панихиду нужно заказать.

– А что это такое?

– Да, ничего, – отмахнулась Юлька. – Не бери в голову.

– Ладно... Ну, так я тебя хоть сейчас подвезу?

– Ага, давай.

До дома домчали быстро. Здесь вообще было недалеко. Когда погода позволяла, Юлька всегда ходила пешком. Ей было полезно. Для фигуры. Но сегодня опять пошел дождь, и девушка поленилась топтать, несмотря на то, что на работе у нее и имелся дежурный зонт.

– Высади меня у продуктового.

– Хорошо. С тобой сходить? Ну, там... цены подсказать, или...

– Нет-нет! В супермаркетах уже не обманывают. И за сроком годности вроде следят.

– Ну, смотри, мне не трудно.

Юлька кивнула. Случалось, что она просила кого-то с собой сходить в магазин. Бывали в ее жизни прецеденты... Однажды она зашла купить себе новые джинсы в, как ей казалось, скромный магазин, а оказалось, что они просто космически дорогие. Было неловко отказываться от товара уже на кассе из-за недостатка денег. Ну, и обманывали ее частенько. Именно от этого обмана исподтишка на душе становилось наиболее гадливо.

– Мне твоя помощь в другом нужна. Не забудь – найди мне где-нибудь это чертово либретто. И ничего не планируй на четверг. Нас ждет незабываем

вечер, – шаловливо подвигала бровями Юлька. – С Дон Кихотом.

Ответом ей был жалобный стон. Юлька засмеялась и вышла из машины. Двери перед ней никто не открывал – Тошка был простым парнем, чуждым всяких церемоний. Этим он ей и нравился. В нем абсолютно не было понтов. В напрочь фальшивом мире, окружающем девушку, Антон был, как глоток свежего воздуха. Точно так же, как дядя Леша, или любой другой парень из их небольшой команды.

В супермаркете было немногочленно. Юлька купила помидоры, огурцы и банку тунца. Она старалась придерживаться норм правильного питания, поэтому на ужин салат – самое то. Иногда, конечно, хотелось чего-нибудь жутко вредного, но тут Юльке приходилось выбирать – или вкусно поесть, или более-менее пристойно выглядеть. Из чистого тщеславия девушка выбирала последний вариант.

Приготовив на скорую руку ужин, девушка быстро поела, набрала полную ванну горячей воды с пеной, и в блаженстве в нее погрузилась. Для Юли каждодневная горячая ванна стала обычной необходимостью. Так руки отмывались хотя бы частично. Ни в каком душе такого бы не случилось. А в ванной... Мазут отмокал. Не весь, конечно, но, в любом случае, руки выглядели более-менее прилично. Спасал еще черный шеллак на коротких ногтях, который Юлька обновляла каждые две недели.

После купания девушка включила фильм, который давно хотела посмотреть, и наконец-то прилегла. Устала... То ли фильм был неинтересным, то ли звезды так сошлись, но Юлькины мысли унеслись куда-то далеко – в счастливые дни сопливого детства. К отцу, которого боготворила малышкой, и который вот уже пятнадцать лет находился в лучшем мире. Да, Юле очень хотелось верить, что этот лучший мир был. Так было проще. Знать, что папа в принципе есть. Пусть где-то там, далеко, счастливый и молодой... Наблюдает за нею и, возможно, гордится. Да, он бы непременно гордился ею. Такой уж был человек. Добрый и светлый. Справедливый. За эту справедливость отец и поплатился. Он, как и Юлькина мама, работал судьей. В девяностые быть честным вершителем справедливости было практически невозможно. Не позаришься на деньги, так другим прижмут... Компромат, угрозы семье – в ход могли пустить все, что угодно. В то время братки не гнушались ничем. Мама рассказывала, что чудом было уже то, что они эти девяностые пережили. А беда нагрянула немного позже. Когда, вроде бы, остались в прошлом бандитские разборки, рэкет и

прочая грязь. Отцу поручили дело о незаконной продаже земли, которую предыдущие градоначальники гектарами раздавали под совершенно сомнительные стройки. И, что удивительно, следствие сработало на все сто. Доказательства были железобетонными, и все процедуры соблюдены – не придерешься. Адвокаты, конечно, пытались вставлять палки в колеса, но так и папа был высококлассным профессионалом. Он их уловки вычислял на раз-два, и дело шло к совершенно определенному завершению – посадке виновных. Тогда стали давить. Юлька не знала подробностей даже сейчас. И не особо хотела их знать, если честно. Просто однажды ее выкрали. По дороге из школы запихнули в вонючую машину и куда-то повезли. Ей было дико страшно. Она даже описалась. Почему-то об этом Юля до сих пор вспоминала с большим стыдом. Ее удерживали в качестве приманки. Преступники пытались выманить отца, которому по долгу службы выделили охрану, и добраться до которого было гораздо тяжелее, чем до его ребенка. Почему охрану не выделили и членам отцовской семьи, Юлька даже сейчас не понимала. Так случилось... Похитители написали ей на бумажке текст, и велели зачитать на камеру. А Юля не могла. Ей и в букваре-то буквы давались с большим трудом. Что уж говорить о криво написанных на бумажке каракулях? Они совали бумагу ей под нос, и что-то орали, а Юлька тряслась и не могла выдать из себя ни звука.

Несмотря на то, что видео с девочкой в главной роли снять так и не получилось, бандитам все же как-то удалось выманить ее отца. Он улизнул из-под присмотра охраны и пошел на встречу с похитителями. Отец погиб в попытке спасти ее – Юльку. Она всегда помнила об этой его жертве. И тайком винила себя, хотя сейчас, спустя годы, и понимала, что это было, по крайней мере, глупо. И вот уже пятнадцать лет папы нет...

Юлька раздраженно щелкнула пультом от телевизора и встала с постели. Вот нужно было ей все это вспомнить, на ночь глядя! Ладно завтра весь день в расстроенных чувствах, но а сегодня чего ее разобрало?! Уселась на подоконник. В окно стучал дождь, и от ветра по стеклу скребла ветками раскидистая черемуха. Только в такие моменты Юлька жалела, что жила одна. Не с кем было поговорить, и некому поплакаться. Посидев так еще некоторое время, девушка выпила теплого молока с медом и пошлепала в кровать. Уснула уже под утро.

Утром, как и говорила, смоталась в церковь. Мама не была особенно набожной, а Юлька где-то услышала, что покойникам там очень помогает, когда на Земле за них кто-то молится. Вот и взяла на себя эту функцию. Добровольно. Слушая красивое пение церковного хора, Юля вспоминала отца. Стараясь делать это без

грусти. Покойники не любят, когда по ним плачут. Это делает их несчастными. Отстояв панихиду, девушка заказала такси и поехала на кладбище. По дороге купила две темно-бордовые, практически черные розы. Юлька любила кладбища. Может, это кому-то и покажется странным, но ей там было как-то спокойно. Идти мимо могил, разглядывая памятники и надгробные плиты. Гадать о том, какой была судьба человека, и был ли он счастлив? Вот только сегодня погода не располагала к таким прогулкам. Шел мелкий-мелкий дождь. Под ногами квакала глинистая почва, а промозглый ветер пригоршнями бросал в лицо мелкие листочки акации. Юлька зашла за оградку, положила розы на надгробье, коснулась рукой холодного мокрого гранита:

- Привет, папочка.

Обычно Юля подолгу разговаривала с отцом. Рассказывала ему о забавных случаях, произошедших на работе, делилась с ним планами. Но не сегодня. Проклятая погода... За полчаса, проведенных на кладбище, девушка продрогла буквально до костей. Даже зубы стали противно стучать. А дождь и ветер, казалось, только усиливались. Вот тебе и октябрь, который обычно был вполне себе сносным. Изменения климата, что называется, налицо. К воротам Юлька уже практически бежала. Практически – потому, что по расплывающейся под ногами грязи передвигать ноги нужно было достаточно осмотрительно. Иначе можно запросто упасть. Выскочив на асфальтированную дорожку, ведущую к воротам, Юля немного замедлилась. Осмотрелась растерянно. Ни одной машины такси на парковке перед кладбищем не наблюдалось. В стороне – остановка, но пока к ней дойдешь... Да и автобус здесь ходит крайне нерегулярно. С надеждой повернула голову к небольшому кафе, расположенному здесь же – немного в стороне. Похоронный бизнес нынче процветал, и предприимчивые бизнесмены умудрились втиснуть кафе даже на кладбище. Почему бы и нет? На поминках можно было неплохо заработать... На Юлькин скромный взгляд, заведение было довольно сомнительным, но разве у нее был выбор? Заскочила на крыльцо, открыла тяжелую дверь. Интерьер вполне приличный. Никаких тебе бархатных штор и прочей атрибутики, с которыми у Юли стойко ассоциировались подобные заведения. Легкий тюль на окнах, светлые стены, кофейные скатерти на столах. Вполне приличная барная стойка. За которой сидел только один человек. Юлька пожала плечами и уселась за столик. Сейчас выпьет чаю, согреется, и сразу позвонит в такси. Прошло минут пять, а к ней никто так и не подошел. Юля встала со стула и потопала к бару. На светлом кафельном полу от ее ботинок оставались некрасивые грязные следы.

– Эй... Здесь есть кто-нибудь живой? – Юлька сначала спросила, а потом поняла двусмысленность своей фразы. Понял ее и сидящий в сторонке мужчина. Хмыкнул. Юлька не могла поверить своим глазам. Да и Олег, судя по всему, тоже очень удивился.

– Привет. – Девушке ничего не оставалось, кроме как поздороваться с выпивохой. Да-да, он опять пил. Возле него на стойке стояла полная рюмка водки на тонкой ножке и блюдце с яркими кружочками лимона. И что, спрашивается, он получше места для пьянки не мог найти, с его-то деньгами? А главное, более подходящего времени. Еще даже не обед.

– Привет, Юля.

Ну, надо же! Запомнил, как ее зовут... Пока Юлька гадала, стоит ли продолжать разговор, из недр кухни наконец-то появился бармен. Юля заказала чайник зеленого чая и снова вернулась взглядом к Олегу, который одним махом опрокинул в себя содержимое рюмки и жестом приказал бармену повторить.

– Чего смотришь? – нахмурился он.

– Гадаю, как так получилось, что мы снова с тобой встретились. Еще и на кладбище.

– А что ты тут делаешь?

– Приехала к отцу. У него годовщина смерти. А ты... ты к сыну, наверное, приезжал? – осторожно поинтересовалась Юлька. Олег зыркнул на нее, и снова схватился за рюмку.

– Это не поможет, – вздохнула девушка, кивком головы указывая на чарку.

– Да, а ты в этом большой специалист?

– Нет. Не специалист. И вполне себе отдаю отчет, что бывают такие ситуации, когда даже печень предлагает выпить. Да только не выход это. Совсем.

Олег промолчал, но к стопке не прикоснулся. Вскоре Юльке принесли чай, и она, наконец, пригубила горячего. К столику возвращаться не хотелось. Ей почему-то казалось жутко неправильным, что Олег был сегодня один. Так гораздо тяжелее справиться с болью. А то, что та его переполняла, было видно невооруженным взглядом.

– Олег, а хочешь, я тебя домой отвезу? – предложила девушка неожиданно даже для себя самой. Мужчина моргнул и перевел на нее уже несколько расфокусированный взгляд. Алкоголь начинал действовать...

– Зачем?

– Чтобы ты не сидел здесь один.

Юлька видела, что мужчина мало что понял из ее объяснений, но все же согласился с ее предложением. Кивнул головой, встал осторожно с высокого стула. Дождь прекратился, но все равно на улице было пасмурно, и бушевал ветер. Машина Олега находилась в стороне, за зданием кафе. Поэтому Юлька ее и не увидела. Олег пикнул сигналкой, девушка забрала у него ключи, открыла дверь и уселась за руль. Мужчина немного помедлил, но все же разместился на пассажирском сиденье.

– Куда тебя отвезти? Где ты живешь?

Олег помедлил:

– В склепе... Я живу в склепе. – Юлька вообще не поняла, что он имел в виду, и пока судорожно соображала, как бы уточнить его слова, Олег перешел совсем на другую тему. – Знаешь, я ведь так и не зашел на кладбище. Не смог. Я вообще за два прошедших года там был всего один раз – на похоронах. Скажешь, слабак? Возможно. Только знаешь, я не могу смотреть на это тире... Совсем не могу...

Юлька понимала все меньше. Для нее вообще очень неожиданными стали услышанные откровения. Таким не делятся с практически незнакомыми людьми. Или, наоборот, здесь сработал эффект попутчика?

– Тире? – осторожно уточнила девушка, выкручивая руль.

– Да, тире... На надгробье... Дата рождения, дата смерти, а между ними – тире. Ни палочка, ни галочка, ни запятая – тире. То главное и единственно важное, что отражает всю нашу жизнь, и то единственное, на что мы можем повлиять. Понимаешь?

– Да... – неуверенно начала Юлька, но потом, откашлявшись, подтвердила более твердым голосом: – Да!

– И в этом тире для меня так много всего сосредоточено. Короткий след Димкиной жизни. Яркий, заметный след.

Юлька молчала. В словах Олега было столько горя. Оно душило и переполняло так, что даже захотелось открыть окна машины, чтобы впустить немного воздуха. Она не представляла, как он жил с этой болью внутри.

– Знаешь, Олег... А давай не поедem в твой склеп. Поехали ко мне. Помянем твоего Димку.

Глава 5

– Странные какие-то выходят поминки, – заметил Олег, уже сидя у Юльки в кухне. Он не смотрел на нее, гипнотизировал глазами чашку чая, которую сжимали его большие холеные руки. Юля как-то сразу обратила на них внимание. Она вообще всегда смотрела на руки людей. Видимо, тому были причиной собственные комплексы. Ее конечности были абсолютно неженственными. Загрубевшая, обветренная кожа, камушки мозолей, и это если их получится нормально отмыть, что случалось нечасто. А так и вовсе – кошмар.

– И ничего не странное. Пить на поминках, между прочим, церковь запрещает. Это уже наши люди придумали на кладбище с бутылкой ходить.

– А ты откуда знаешь... ну, про церковь?

– Специально узнавала, из-за отца, – пожала плечами Юлька и пригубила свой чай. – Хотелось все делать правильно.

– Правильно – это хорошо, – прокомментировал Олег, не отрывая взгляда от чашки. Юльке казалось, что он практически полностью протрезвел. Однако это не мешало ему вести себя странно. А чего она, собственно, хотела, приглашая в дом совершенно незнакомого мужчину? Ей просто стало его безумно жалко. Вот бывает так. Сначала кажется, что человек того не стоит, и вообще – сам виноват, а потом вдруг – бац! И мнение меняется кардинально.

– А хочешь есть? – вдруг предложила Юлька, не зная, как еще поддержать разговор, и как отвлечь его от боли, которая, она видела, грозила завладеть Олегом с новой силой. Он тоже удивился.

– Есть?

– Да. Хочешь, я тебе яичницу приготовлю? Ничего толкового у меня нет, но вот яичницу – могу. Когда ты последний раз ел?

Олег посмотрел на нее как-то странно и пожал плечами:

– Не помню.

– Ну, вот! Кто ж пьет на голодный желудок? Еще и когда из закуски – один лимон.

– Я там побоялся что-нибудь из еды заказывать, – почесал затылок Олег и снова отвел взгляд. Наверное, не только Юльке было неловко.

– Ага. Кафе на кладбище... бррр. Часто ты там заседаешь?

– Бывает. – Мужчина нахмурился и снова уткнулся в чашку. Юлька достала из холодильника сосиски, помидоры и зелень, тщательно ее вымыла, обсушила бумажным полотенцем, обдумывая его короткий ответ.

– Может... тебе все-таки стоит дойти? – Она не стала уточнять, куда конкретно. Вопрос был понятен и ему, и ей. Другое дело, что право раздавать советы у Юльки было довольно-таки сомнительным. Как она могла понять боль отца, потерявшего единственного сына? А без этого, ей ли его упрекать в отсутствии какой бы то ни было решительности?

- Не могу. Столько раз пробовал, но так и не смог. - Прозвучал неожиданно правдивый ответ. - Слабак, - добавил горько. Юлька оторвалась от нарезки помидоров, глянула на мужчину. Тут же отвернулась, обтерла руки бумажным полотенцем, и поставила на огонь сковороду.

- Ты не слабак, - заявила Юлька, в полной уверенности в собственных словах. Девушка, хоть убей, не понимала, почему она пришла к такому выводу. Не могла этого объяснить даже себе. А тем более Олегу, в ответ на его вопросительный взгляд.

- Ты не знаешь меня. - Парировал резко, опрокидывая в себя остатки чая. Юля была уверена, что с гораздо большей радостью тот бы выпил чего, погорячее. Ага.

- Ты не слабак. Горе каждый переносит по-своему. Только и всего.

- Бред. В тебе либо достаточно силы, чтобы его пережить, либо - нет.

- И ты считаешь, что в тебе ее недостаточно? Верно? - Юля выключила огонь, смахнула омлет на тарелку, и поставила ту перед гостем.

- Именно так, - резко ответил Олег, вставая из-за стола.

- Тогда почему ты все еще жив, а не покоишься рядом с сыном на кладбище?

Он буквально задохнулся от этих ее слов. И разозлился. Юля видела злость в его карих глазах.

- Потому что для того, чтобы залезть в петлю, нужны стальные яйца. А как мы уже знаем, у меня их нет.

- Это ты так решил! - крикнула вслед уходящему мужчине Юля. - Лично я верю, что с яйцами у тебя... эээ... все в порядке. - Да, это прозвучало несколько двусмысленно. Именно поэтому Юлька запнулась на половине предложения, а потом и вовсе закусил губу. Будто бы это и не она вовсе ляпнула эту чушь. Олег замер уже в дверном проеме, оглянулся недоверчиво. Словно и он не мог поверить, что Юля такое сморозила. А потом они рассмеялась. Громко и весело.

Вместе, разгоняя смехом скопившееся в кухне напряжение.

- Возвращайся к столу, пока совсем не остыло, - отсмеявшись пробормотала девушка. Почему-то снова стало неловко. Олег неуверенно пожал плечами, но к столу все же вернулся.

- А ты почему не ешь? - спросил, разделяя вилкой омлет на кусочки.

- Не хочется как-то после кладбища. Мне и спустя пятнадцать лет такие походы нелегко даются, что уж говорить о тебе...

- А что случилось с твоим отцом? - спросил Олег, чтобы не думать о своем.

- Его убили.

- Димку тоже убили. Димка - это мой сын.

- Я знаю, Олег. О вашей истории трубили все более-менее значимые СМИ.

- Да... Благодаря Вере.

Они снова замолчали, думая каждый о своем. Зашумел чайник, Юля встала со своего места.

- Будешь еще чай?

- Давай. Слушай, а что у тебя с руками?

Порхающие в процессе приготовления чая Юлькины руки на секунду замерли, а потом как-то нервно возобновили свою работу.

- Это из-за работы.

- А ты, что, работаешь? Я думал, что ты студентка.

– Нет. Не студентка. Я работаю... Автомехаником. – Юля опустила на стол две чашки чая и снова села, устремив взгляд в окно. Дождь наконец-то закончился, и тонкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тучи, окрасили серое затянутое небо золотом. Было красиво.

– Seriously?

– Угу. А что здесь такого? – невольно напряглась Юлька.

– Да, ничего, кроме того, что такое мало где увидишь.

– Приходи в мою СТО, посмотришь, – пробурчала девушка.

– Ну, уж нет. Я только в фирменном автосервисе обслуживаюсь.

– Так я и думала, – без обид пожала плечами девушка.

– И что? Тебе нравится то, чем ты занимаешься?

– Если бы не нравилось, зачем бы я это делала?

– А ты думаешь, многие ходят на работу с радостью? Как правило – это единственный способ не сдохнуть с голоду. Об удовольствии речь не идет.

– А тебе-то откуда знать? Ты парень небедный, и, наверное, можешь позволить себе заниматься тем, что нравится.

– Уж не думаешь ли ты, что мне моя «небедность» на голову упала? – Олег не понимал, как они договорились до такого. Тем более – с совершенно посторонним человеком. Впрочем, если им, наконец, удалось отойти от темы кладбища, то разве не все ли равно, о чем они говорят теперь?

– Не знаю. А что? Не упала?

– Нет. Это вообще заблуждение – думать, что деньги кому-то достаются просто так. Беда большинства в том, что, когда они хотят что-то купить – экономят, а не

зарабатывают. Понимаешь?

- А ты зарабатывал?

- Зарабатывал. У меня было, ради кого стараться. Я ведь тоже начинал автослесарем.

Юлька недоверчиво скользнула взглядом по мужским холеным рукам с идеальным маникюром и снова уставилась в окно. Поверить, что эти руки держали что-то, тяжелее ложки, было сложно.

- А сейчас чем занимаешься?

- А сейчас у меня свой дилерский центр.

- Порше? - съязвила Юлька.

- Нет. Порше - это... Это другое.

Признаваться в том, что он просто не мог больше ездить на своем старом джипе, не хотелось. Иначе бы снова пришлось вспоминать... Вспоминать, как Димка любил его машину, как он учил сына вождению на закрытом полигоне. Как радовался его успехам... Он так и не смог сесть за руль своего cherokee после гибели сына. А потом, уже после того, как ушел от Веры, и к нему прибилась какая-то смазливая фифа, он от нечего делать купил Порше. Вроде, тогда дамочка намекнула, что это было бы мега-круто. А ему в принципе было по фигу, на чем ездить. И деньги были в избытке.

- Ну, другое - значит, другое. Лично я бы ее ни за что не купила.

- Почему?

- Не знаю. Наверное, это чистая вкусовщина. Многие бы за такую тачку продали душу дьяволу, а мне она не по душе.

- А какая машина у тебя? - Олег вдруг сообразил, что даже не спросил, как Юлька оказалась на кладбище. А она, наверное, там свою машину бросила, и в

тот раз, когда он нарезался... Ну, не пешком же она ходила?

- А у меня нет машины.

- Seriously? Автомеханик без колес?

Непонятно почему Юлька рассмеялась. Задорно. Олег давно не слышал такого счастливого смеха.

- Что, рушу стереотипы? - ухмыльнулась она. - На самом деле все просто - мне на машину пока не хватает денег. Я ипотеку плачу. - Юлька окинула рукой свои хоромы и снова уткнулась в окно. Олег удивился - редко встретишь человека, который вот так, запросто, расскажет о своих скромных финансовых возможностях. В мире, которым правили понты и пафос - это было совсем не комильфо.

- А какую бы ты машину купила?

- Nissan LEAF.

- Это электрокар.

- Угу. Классная тачка.

- Ты серьезно? Она даже не урчит.

- О... Да ты у нас из тех, кто любит слышать шум мотора?

- А как же без этого? Это же песня!

- Я на работе за день порой так этих песен наслушаюсь, что вечером банально хочется тишины.

- Все равно. Электрокар, по нашей жизни - утопия. Пробег - короткий, скорость - ограниченная, станций для подзарядки попросту нет. Жила надо мной одна дамочка, у которой каждый вечер начинался с того, что она с балкона спускала

зарядный шнур. Шнур была длинный – тетка жила на двенадцатом этаже. Помаялась она так с полгодика, и пересела на нормальную тачку.

– А я живу на третьем. Шнур будет не таким длинным. Ездить на дальние расстояния мне без надобности, а до работы – самое то, – озвучила свои размышления Юлька. – К тому же, там тоже можно машину подзарядить. Слушай, а тебе никто не говорил, что ты жутко старомодный?

– Я?! – возмутился Олег, и даже на всякий случай пробежал взглядом по собственным отутюженным брюкам и довольно приличной рубашке.

– Ты-ты! – улыбнулась Юлька. – Нынче, знаешь ли, модно заботиться об окружающей среде. А ты экологичности транспорта предпочитаешь рев мотора и объем двигателя.

Олег тоже улыбнулся. И отметил с удивлением, что дышать стало немного легче. Разговор с забавной девчонкой отвлек. Её заразительная смешливость не могла не поднять настроения даже ему. Да и беседа выходила не праздной. Он уже и забыл, как порой интересно бывает с кем-то просто поговорить. В последнее время с этим у мужчины все обстояло непросто – тарахтящие на ухо пустышки, которые рядом с ним менялись с завидным постоянством – были не в счет.

– А ты, выходит, следуешь моде?

– Да нет... Просто хотелось бы, чтобы после нас на Земле хоть что-то осталось. Мой будущий электрокар – мой маленький вклад в завтрашний день планеты.

Сердце Олега болезненно сжалось. Он понял, кого ему напоминала девушка. Она была неспорченной, настоящей, как ребенок совсем. Как Димка... Тот, в силу возраста, тоже был идеалистом. Заставлял их с Верой сортировать мусор, вместе с другой детворой устраивал субботники у дома, а как-то даже организовал сбор средств на протез дворовой собаке. В общем, с Юлькой они бы точно нашли общий язык. И еще неизвестно, чья бы машина Димке понравилась больше – электрокар девушки или мощный джип отца. Возможно, у последнего бы появился достойный конкурент. Только не узнает он, как бы было. И гадать об этом – глупо. Не быть уже ничему. Смириться бы, да только как?

- Эй... Олег...

- А?

- Не думай об этом.

- О чем? - нахмурился мужчина.

- Не знаю... Но о чем бы ты сейчас ни думал, это не добавляет тебе оптимизма. Значит, просто не думай.

- У Димки послезавтра годовщина. Вторая. А я опять не смогу пойти... Я вообще впервые буду один в этот день. Раньше рядом всегда была Вера. И было легче.

Он уже в который раз с момента их знакомства вываливал на Юльку свои переживания, и ему бы, наверное, стоило стыдиться своей слабости, но стыдно не было... И вообще, как-то так получалось, что ей - постороннему, по сути, человеку, было очень легко рассказывать о том, что его тревожит.

- А что, если тебе созвониться с ней, и договориться о встрече? То, что вы рассталась, не отменяет того, что у вас был общий ребенок.

- Нет! Нет... Как, ты думаешь, я к ней подойду, после всего, что сделал?

- Можно просто сказать «прости». И станет легче.

- У тебя все просто.

- На самом деле, люди многое усложняют сами.

Олег хмыкнул. Пришла его очередь отворачиваться к окну. Это очень удобно - когда есть окно, а у тебя - нет сил смотреть на собеседника.

- Олег, а если бы с тобой все же кто-то пошел... Из близких, или друзей... Эти нарывы нужно вскрывать, понимаешь?

Мужчина покачал головой, не отрывая взгляда от раскачивающейся в окне ветки. У него не было настолько родных людей. Тех, с кем можно было бы разделить боль, тех, с кем можно было быть слабым. Возможно, давно, с Верой... Но он тогда почему-то решил, что она его слабость не примет. Прошло много времени, прежде чем он понял, как ошибался тогда. Потому что быть честным с любимыми – это вовсе не слабость. Слабость – прятаться, и напропалую врать.

– А хочешь, мы вместе сходим? – неожиданно даже для себя спросила Юлька. И сама испугалась своего вопроса. Потому что... ну, кто ему она, а? Он сейчас рассмеется, и правильно сделает. Нашлась помощница! Самой бы кто помог с собственными тараканами разобраться. Да и где она, а где он? Сыпет советами! А Олег, между прочим, взрослый мужик. И весьма неглупый, судя по тому... Да хоть по чему судя!

– Нет, – покачал головой мужчина. – Не нужно.

Потом он резко встал и побрел к выходу.

– Олег, ты прости, что я влезла. Ну, дура... Не понимаю ничего, что с меня взять?

Он замер у самой двери, прислонился к ней лбом:

– Ты не дура. Это я дурак. Спасибо за все. И теперь, уж точно, прощай.

Глава 6

Впервые за неделю Юльку разбудил яркий солнечный свет. Вот и хорошо. Надоел этот дождь. Когда у самой душа плачет, слезы дождя вот совсем никак не способствуют нормализации душевного состояния. С солнышком как-то повеселее. Звонок телефона. Ну, надо же, мама сегодня припозднилась!

– Добро утро, мама!

– Привет, курочка. Я звоню сказать, что, несмотря на солнце – на улице достаточно прохладно. Так что, одевайся потеплее.

– Спасибо. Так и сделаю.

– Ты не забыла, что вечером у нас культурная программа?

Вот же черт! Конечно, забыла. Очередное появление Олега выбило Юльку из колеи. А уж о ненавистном балете она и вовсе не вспомнила. И даже чертово либретто до сих пор не прочитала. Точнее, Тошка ей не прочитал. Это упущение нужно будет срочно исправлять!

– Помню-помню. Балет.

– Вот и хорошо, что помнишь. До сих пор не могу простить себе, что разрешила тебе бросить балетную школу.

Да-да, был такой позорный факт в Юлькиной биографии. В семь лет ее отправили к станку. Балетному. Упитанная Юлька смотрелась довольно странно среди других начинающих танцовщиц. Ну, и доставалось ей, конечно, за собственное несовершенство. И дразнили ее, и подначивали. Даже преподаватели! С тех пор Юля возненавидела всяческие кружки и внешкольные занятия практически так же, как и школьные. А ведь это еще надо было постараться, чтобы составить конкуренцию Юлькиной ненависти к школе.

– Вот и зря! Какая из меня балерина, ну, правда? Даже если меня смог бы поднять какой-нибудь балерун, и не надорваться, то ты хотя бы можешь себе представить, что было бы, если бы он меня случайно упустил на других танцоров?

– Юлька, ну сколько раз я тебе говорила, что не существует понятия – «балерун». Правильнее было бы сказать – артист балета!

– Да, хоть бы и так. Пожалей бедных мужчин, и перестать сокрушаться о моей несостоявшейся карьере танцовщицы.

Поболтав еще немного с мамой, Юлька сварила себе кофе, оделась, как и было сказано, потеплее, и отправилась на работу. День выдался не слишком загруженный. В пятницу мало кто заезжал на СТО. Никому не хотелось оставаться без колес на выходные. Поэтому они доделывали недоделки,

накопившиеся за неделю.

- Тошка, ты не забыл о либретто?

- Забудешь тут, - скривился парень.

- Вот и готовься. В перерыве я тебя жду.

- Угу. Не могла мне задание попроще найти... - бормотал Тошка, наблюдая за работой Юльки. Та как раз меняла сайлентблоки на машинке вполне вменяемой женщины, что заехала сегодня, прямо с утра.

- Ну, чего над душой стоишь?

- А я уже закончил, и до обеда не хочу ничего начинать. Все равно не успею сделать.

- Тогда доставай свой бутерброд и заготовку либретто. Быстрее начнем...

- Быстрее закончим, - продолжил за девушку Антон.

- Вот-вот! - рассмеялась Юля. - Тем более, что сегодня мне нужно освободиться пораньше, из-за чего плакал мой обед.

Антон уныло поплелся к подсобке, сделал себе пол-литровую кружку чая, достал сверток с бутербродами. Уселся на аккуратно сложенные в углу станции покрышки и наконец-то загуглил ненавистное либретто.

- Ну, что, ты готова слушать?

- Угу! - подтвердила Юлька, с усердием закручивая болты.

- Итак, «Пролог. На тощем коне едет рыцарь...». Слушай, Юль, а чего у него конь тощий, он его, что, не кормит?

- Да откуда ж мне знать? Читай!

Тошка пожал плечами и снова уставился в телефон, возобновляя чтение:

- «Тут же толстяк на осле. Это знаменитые фигуры странствующего рыцаря Дон Кихота и его верного слуги Санчо Пансы». Юль, вот, хоть убей, не пойму, почему осел у слуги толстый, а конь у рыцаря – худой. Что это за несправедливость, я тебя спрашиваю? И кто будет конем в балете?

- Да, не знаю я, чего ты ко мне привязался... Читай!

- «Первое действие. Дочь кабатчика Лоренцо Китри влюблена в бедного цирюльника Базиля...» Юль, а цирюльник – это парикмахер по-нашему, да?

- Угу...

- Ладно. Ну и словечки раньше были.

- А сейчас, что, лучше? – подключились к разговору дядя Леша и еще один механик – Николай. – Я, вон, в субботу хотел подстричься. И знаешь, куда попал? Дай бог памяти... – Дядя Леша почесал репу, перекатывая на языке трудно запоминающееся сочетание букв. – В боберштоп, барбержоп... Тьфу, как же эта зараза называлась?

- Барбершоп, – рассмеялась Юлька.

- Точно! Барбершоп! – повторил дядя Леша. – Вот ты, Тоша, знаешь, что это за хрень такая?

- Да первый раз слышу.

- Вот и я удивился, чем им парикмахерская не угодила?! А ты говоришь – раньше. Вот был цирюльник – переменили. Только привыкли к парикмахеру – теперь уже бобер какой-то... Все течет. Все меняется. И словечки новые, только успевай запоминать. Да, чего далеко ходить – вот вы, молодежь, я же половину ваших слов не понимаю. А мать моя, царствие ей небесное, и вовсе бы ничего не поняла. Для нее чудом было, когда в село автобус пустили, и на телеграфе на три села установили один единственный телефон. А сейчас что?

– А сейчас все по-другому.

– И только одно не меняется. Вот вы послушайте-послушайте... «...Дочь кабатчика Лоренцо Китри влюблена в бедного цирюльника Базиля. Однако отец решил выдать ее за богатого Гамаша...». Все, как и сейчас. Родители всегда хотят выдать дочек за богатого! А где же на всех богатых напасть?! Вот, моей Ладки маманя тоже носом крутила. Видишь ли, не по нраву я ей. А та уши развесила. И что в итоге? Мы расстались. И где принц, я вас спрашиваю?! Второй год Ладка одна. Скоро на луну завоюет.

– Так, может, ты с ней помирись? – предложила Юлька, вытирая пот со лба.

– Вот еще! Надо было головой думать.

С горем пополам, но либретто Тошка все-таки дочитал. Причем, к окончанию чтения Юлька не совсем точно понимала, где, собственно, заканчивалось либретто, и начинались Тошкины размышления о добре и зле. Впрочем, в этот раз время за чтением пролетело незаметно и весело. И Дон Кихот ее заинтересовал. Ей даже захотелось узнать немного больше о его судьбе. Может быть, ей все-таки стоит прослушать хоть одну аудиокнигу? Ведь было глупо ненавидеть литературу только потому, что одни идиоты не могли вовремя диагностировать ее заболевание, а другие – под дулом пистолета заставляли ее читать. Именно последнее событие сыграло судьбоносную роль в Юлькиной жизни. Тогда, к десяти годам, у Юли уже диагностировали дислексию, и подобрали правильную методику обучения. И девочка делала успехи. Читала простые слова в букваре, и понемногу обретала уверенность в собственных силах. Но похищение перечеркнуло все. После того, как ее буквально под дулом пистолета заставляли читать что-то отцу... Она возненавидела этот процесс. Он ей и без того не слишком хорошо давался, а после... Девочка смотрела в книгу, а вместо букв видела лица угрожающих ей подонков. С чтением пришлось завязать. Совсем. Как ей жилось в мире, где читать умели все, и в котором буквально каждый шаг упирался в буквы? Нормально жилось. Она научилась справляться. Нет, проблемы, конечно, иногда возникали – не без этого. Но тогда ей на помощь приходили мама, или друзья. Ей повезло с близкими. А еще ей повезло с дядей Лешей, который научил ее всему в профессии.

– Уже убегаешь? – поинтересовался он.

– Ага, не одному тебе приходится на маникюр ходить. Как это ты от Дон Кихота открестился?

– Нина Васильевна решила, что уделяет мало времени своей маленькой девочке, – хмыкнул мужчина.

– Интересно, когда я вырасту в ее глазах, и почему время мне нужно уделять непременно в каком-нибудь театре?

– А я предлагал ей поехать на дачу, пока последнее тепло. Пожарили бы мяса, за грибами в лес сходили.

– Я – хоть сейчас. А вот мама... Это ты погорячился, дядя Леша. Где мама, а где грибы?

– Это ты, Юлия, свою мать плохо знаешь. В прошлые выходные мы, знаешь ли, набрали две корзины опят.

– Мама ходила за грибами? Ну и ну...

Все еще удивленная девушка распрощалась с коллегами и рванула к парикмахерской. Обязательная программа – маникюр. Необязательная – стильная укладка по случаю выхода в свет. Триста лет он ей не был нужен! Домой прилетела к семи. А в восемь уже начало. Влезла в черный шелковый комбинезон – платья Юлька ненавидела. Достала классическое кремовое пальто.

– Юля, я уже внизу! – позвонила мама.

– Бегу! – запыхавшись, пробормотала Юлька. Эх! Плакали ее кроссовки. Где-то тут были неплохие полуботинки на танкетке...

– Ну, ты чего так долго, Юля? Хоть бы к третьему звонку успеть!

– Прости, мамуля. В парикмахерской задержалась.

Нина Васильевна плавно влилась в дородный поток, и только потом окинула дочку взглядом:

- Тебе очень красиво, когда волосы уложены так - ото лба.

- Спасибо. Я старалась выглядеть прилично.

- На, вот... Губы подкрась. - Мама протянула ей собственную помаду и снова сосредоточилась на дороге. Юлька послушно мазнула по губам персиковым блеском, невольно уставилась на себя в зеркало. Нечасто она себя видела такой. Юля вообще не любила краситься. Ей были неведомы такие понятия, как контуринг, или скульптурирование. А когда об этом принимались трещать девочки в парикмахерской - у нее начинала болеть голова. Юлька не представляла, зачем на лице носить столько штукатурки. Даже Николай, рихтуя машину, столько шпатлевки не использовал, как некоторые дивы, снисходящие до их станции.

- Ты такая хорошенькая, Курочка...

- Ты тоже прекрасно выглядишь, мама.

Юлька с Ниной Васильевной к началу все же успели. Пришлось, конечно, немного потолкаться в проходе, но к моменту, когда приглушили центральное освещение, они уже сидели в партере. Все было не так уж и плохо. По крайней мере, Юлька не уснула, как однажды в опере. А что? Если говорить о постыдных фактах биографии, было в ней и такое. Она тогда почти до утра провозилась с мотором одного Государева человека. Так у них в сервисе называли служащих государственных органов в не самых высоких чинах. Чины повыше к ним на СТО не захаживали. У тех игрушки были дорогими, и, как правило, обслуживались у официальных дилеров. Так вот, у Государева человека стукнул мотор. А поскольку Государев человек априори считает, что ему все должны, то все исправить ему следовало, не медля ни минуты. Вот и застряла Юлька с его машиной почти до утра, потом поспала дома пару часов - и снова на работу. А вечером - опера. И такая она была заунывная! Юлька тихонько сползла вниз по креслу и, тактично прикрывшись веером, засопела. И все было хорошо, пока ее сопение не переросло в легкое похрапывание. В ту ночь ее протянуло, и заложенный нос некстати подвел свою обладательницу. Проснулась Юлька от того, что ее тактично потрепали за руку. Пожилой джентльмен. Иначе этого сухонького мужичка в кремовой рубашке и клетчатой бабочке язык назвать не поворачивался.

– Извините, – прошептала Юлька.

– Ничего! – блеснул необычно яркими, как для человека его возраста, глазами джентльмен. Юлька улыбнулась, осторожно глянула в сторону матери, и встретилась с ее смеющимся взглядом.

В общем, было дело в ее богатом театральном прошлом. Видимо, Юлька пошла в отца, хотя мама и утверждает, что тот тоже был заядлым театралом. Но что-то подсказывало ей, что папка просто научился мастерски маскироваться. Вот, как сейчас дядя Леша.

– Юль, заедем домой, поужинаешь? Или, может, в кафешке посидим?

Домой – это значило в их старую с мамой квартиру. А Юльке не очень хотелось плестись на другой конец города. Кафешка была неплохим вариантом, да только дядя Леша истомится весь, пока они с мамой будут рассиживать.

– Да ну, ма. Тебя дядя Леша заждался, небось.

– Вот еще! Я тебя две недели, считай, не видела. И Алексей это прекрасно понимает. Пойдем. Здесь, помнится, был неплохой кофе.

Юлька с мамой выпили по чашечке кофе, обсудили события, произошедшие с ними за неделю, и в один голос отказались от предложенного десерта.

– Пойдем, милая, я тебя подвезу.

– Ни за что. Тебе в другую сторону. Я вызову такси.

– Мне не трудно, ты же знаешь.

– Таксисту тоже не трудно, – пошутила Юлька, а потом, посерьезнев, добавила. – Ма, ну зачем тебе делать крюк?

– Ох, и самостоятельная же ты барышня! – повторила излюбленную фразу Нина Васильевна. – Ладно. Раз ты так уперлась! Вызывай. Я подожду.

– Зачем?

– Чтобы записать его номерной знак, на случай чего.

– Какой такой случай, ну? Если он покусится на мою честь?!

– Не паясничай! Вызывай.

В общем, пока суд, да дело, домой Юлька вернулась ближе к часу ночи. Расплатилась с таксистом, не спеша, прошла к подъезду. Ночь была звездная и, на удивление, теплая. Домой идти вообще не хотелось. Шагать бы вот так, загребать ногами ароматные шуршащие листья и вдыхать полной грудью пряное осеннее благоухание.

– Юль...

Юля поначалу подумала, что у нее слуховые галлюцинации, но потом действительно увидела сидящего на скамейке мужчину:

– Олег? Ты какими судьбами здесь оказался? Давно сидишь?!

– Да вот... Не хотелось одному быть. Тошно. И пить тоже не хотелось. Вот и принесли ноги сюда. Не знаю, почему.

– А я в театре была.

– В театре? То-то я тебя не сразу узнал. У тебя на голове что-то, – Олег как-то неопределенно взмахнул руками над головой, и снова их резко опустил.

– Да, я была в парикмахерской.

– Извини, я, наверное, зря пришел...

– Не зря. Нормально все. Пойдем. Ты, наверное, продрог.

– Да нет. Тепло, вроде. И пахнет так... Хорошо. Когда Димка погиб, тоже так пахло, и я возненавидел этот аромат... А сегодня как-то вспомнилось, что с ним не только плохое связано.

– Пойдем, Олег... Пойдем!

Глава 7

– Хочешь чаю?

– Поздно уже. Зря я пришёл.

Возможно. Но не факт. Юлька, конечно, спать хотела – жуть. Но это было ещё до его, Олега, появления. В данный момент сна не было ни в одном глазу. Мужчина действовал на неё, как самый лучший в мире энергетик. И даже если бы он сейчас ушёл, фиг бы она уснула. Прокручивала бы в голове вновь и вновь его очередное появление, и думала бы о нем. Глупо это было, конечно. Но такая уж у Юльки была натура. В беде она никого не бросала. И если уж говорить, положила руку на сердце, не часто её судьба сводила с такими интересными мужчинами.

– Почему же зря? Нормально все.

– Да? Ладно... Тогда чай подойдёт, – кивнул головой Савельев и ставшим уже привычным движением отвернулся к окну. Юлька вдруг некстати заметила, что у Олега вьются волосы. И если бы он не стриг их так коротко, то на его голове красовались бы шикарные кудри. Она всегда мечтала о таких, но не сложилось.

– Так ты и правда была на балете?

– Угу. На Дон Кихоте. А ты... любишь балет? – Юлька понимала, что спрашивать такое у любого нормального гетеросексуального мужчины было глупо. По крайней мере, она не знала ни одного мужика, который бы млел от балета. Но поскольку девушка не представляла, о чем ещё говорить, спросила. И получила совершенно неожиданный ответ:

– О, да! Это что-то... невообразимое. А в Дон Кихоте меня особенно впечатляет третий акт! Все эти pas de deux с обязательным элементом в тридцать два фуэте...

Мужчина отвёл взгляд от окна и встретился с широко распахнутыми Юлькиными глазами, в которых, он мог поклясться, плескался связанный ужас! Это было смешно. Олег прыснул тайком.

– Ты ни черта в этом не смыслишь, да?

– Ага, – честно призналась Юлька. И даже головой кивнула для пущей убедительности.

– А зачем тогда ходила?

– Из-за мамы. Это она у нас любитель... Балета. И не только его, – вздохнула девушка. Олег при упоминании судьи нахмурился и снова отвёл взгляд, а Юлька затараторила, чтобы сгладить неловкость. – Короче говоря, для меня все, о чем ты сказал – Филькина грамота. Вот такая я темнота.

Олег снова на неё посмотрел. А у него красивые глаза. Тёплые, карие... С тонкими лучиками морщинок. Он, наверное, раньше много смеялся...

– Никакая ты не темная. Тоже мне удовольствие – мужики в колготках. – Девушка прыснула, а он продолжал. – Ты, Юлька, светлая. Я, кроме тебя, только одну такую женщину знаю...

Юля не стала уточнять, о ком говорил Олег. Это и так было понятно... Все-таки, как же сильно он любил свою Веру! Это, наверное, настоящее чудо, когда мужчина тебя так отчаянно любит. Впрочем, Юлька могла о таком только догадываться. Ей в личной жизни совершенно не везло. И парень у нее был только один. Давно. Уже два года, как расстались. И, конечно, ни о каких супер-чувствах речь не шла. Юля начала встречаться с Кириллом скорее по необходимости. Потому что время пришло – двадцать лет, как-никак. Их отношения продлились два года, а после они разбежались. Без особых сожалений и нервов. Видимо, тоже время пришло... Разойтись в разные стороны.

– Эээ... Да обычная я. Ничего особенного. А Дон Кихот не так уж и плох. Меня даже заинтересовала его судьба. Думаю, вот, не прочитать ли книгу? Только я не совсем поняла... Книга, вроде, о рыцаре и его подвигах, а балет совсем не о том...

– Да тут кто хочешь, запутается. В этом чертовом балете на первый план с какого-то перепугу выходит любовная история Китри и Базеля. А Дон Кихот превращается во второстепенного персонажа.

– Угу... А ты откуда столько знаешь о балете?

– Да, не знаю я ни черта, – криво улыбнулся Олег. – Как-то раз американские партнеры попросили достать билеты в театр. На Дон Кихота как раз. Нам с Верой, конечно, тоже полагалось идти. Ну, мы и подготовились, чтоб не выглядеть неучами в глазах солидных людей.

– Понятно, – улыбнулась Юля. – Я вот тоже готовилась. Заставила Тошку прочитать мне либретто.

– Тошку? Это твой парень, что ли?

– Кто Тошка? – Юлька изумленно выпучила глаза. – Нет, это друг. Мы партнеры. Я, Тошка и дядя Леша.

– Разношерстная у вас подобралась компания.

– Они замечательные специалисты. И хорошие люди. Это главное.

– В бизнесе редко встретишь хороших людей.

– Не знаю, мне пока что везло. – Юлька пожала плечами и принялась собирать со стола пустые чашки.

– Мне, наверно, пора?

Что тут можно было сказать? Юлька неопределенно пожала плечами.

– Ты меня уже который раз выручаешь... И, знаешь, я вот что спросить хотел... Может, ты сходишь со мной на кладбище? Завтра. Помнишь, ты говорила, что я мог бы сходить с другом? Ну, в качестве поддержки...

Юлька сглотнула и кивнула головой:

– Помню.

– Оказалось, что у меня нет настоящих друзей. Тридцать шесть лет прожил, а друзей не нашёл. Да и не особо нужны они мне были. У меня Вера была. А теперь вот...

Олег столько всего сказал... Так честно сказал, так правдиво, что Юля даже забыла, с чего начался его монолог. Уточнила на всякий случай, заправляя челку за ухо:

– Ты хочешь, чтобы я с тобой пошла на кладбище?

– Да. Если тебе не трудно. Я хотел бы попробовать...

Юля кивнула головой, соглашаясь. Кивнула потому, что не было сил ни на что другое. Ее переполняло чувство жалости, и еще что-то такое... щемящее. От чего сердце сжималось, и хотелось мужчине пожалеть. Как маленького. Провести ладонью по волосам, утешая, согреть своим теплом.

– Конечно, Олег. Можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо. – Он практически шептал. Потому что и у него горло сжало спазмом. И нелегко стало просить. И сознаваться в собственных страхах перед практически чужим человеком, который за несколько встреч стал едва ли не самым близким. Да уж... Дожился. Ему просто некуда больше идти. И это было бы смешно, если бы не было так грустно.

– А знаешь... Какой смысл тебе уходить? Здесь до рассвета пара часов осталась. Оставайся. Я на диване постелю. А как проснешься – сразу поедем на кладбище.

Он не ожидал такого предложения. Тем более, что Юлька ни на что не намекала, и не пыталась его закадрить. Она действительно совершенно бескорыстно предлагала помощь. Проявляла участие, в котором он так сильно нуждался!

- Я точно тебе не помешаю?

- Ну, ты же не собираешься храпеть, как в тот раз? - Юлька и сама не знает, откуда у нее берутся силы на шутки. Она просто чувствовала, что только так сможет его отвлечь. Разговорами. До этого у нее неплохо получалось. Ну, по крайней мере, когда они обсуждали балет, Олег не выглядел таким несчастным.

- Нет. Я вообще не храплю...

- Я бы не стала на твоём месте говорить об этом с такой уверенностью. - Девушка забавно пошевелила бровями и неспешно пошла к комоду. - Проходи в комнату, располагайся. Сейчас принесу постельное...

Они справились быстро. В четыре руки. Олег разложил диван, Юля застелила постель.

- Спокойной ночи, - сказала напоследок и скользнула в свою крохотную спальню. Сейчас у девушки не было никаких сомнений. Она поступила абсолютно правильно. Ему не нужно было возвращаться в свой склеп, и снова погружаться в чувство вины. Самое большее, что Олег мог сейчас сделать, это отпустить ситуацию. Оставить ее в прошлом. Хотя бы ради сына, которого так беззаветно любил. И если она, хоть как-то, сможет ему в этом помочь - она будет просто счастлива.

На удивление, Юлька уснула практически мгновенно. А проснулась только утром, по самой банальной причине - после кофе с мамой и с Олегом выпитого на ночь чая ей просто дико хотелось в туалет. Выскользнула из-под одеяла, потянулась сладко, а потом резко опустила руки... Черт! Олег... Который, в отличие от самой Юли, уже давно проснулся. По крайней мере, из-за двери доносился звук телевизора и легкий звон посуды. Завтракал он там, что ли? Девушка быстро пригладила волосы и выскользнула за дверь:

- Доброе утро.

– Доброе. – Олег выглядел хмуро и неприветливо. Юлька моментально сжалась. Обхватила себя руками. Перевела взгляд на стол, где стояли две тарелки с кашей. – Я решил завтрак приготовить. Не спалось...

– Хорошо. Дай мне минутку, и будем завтракать.

Юлька прошмыгнула мимо мужчины в ванную, включила воду в кране. Сходила в туалет и быстро почистила зубы. На голове – черте что. Волосы торчат вверх, будто бы она в аэродинамической трубе побывала, а на щеке – след от подушки. И еще пижама эта дурацкая! С розовыми слониками. Ей мужики подарили в шутку на Восьмое марта. А поскольку Юлька прикрутила батареи, чтобы не оплачивать за отопление четырехзначные счета, то теплая пижамка была очень кстати. И почему она не догадалась ее снять?! Тоже мне – красотка! А еще и разоспалась, чуть ли не до обеда. А он, небось, места себе не находил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/reznik_yuliya/pohmel-e

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)